

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

Л. Г. ГЕРЦЕНБЕРГ

ТЕОРИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ СЕГОДНЯ

Индоевропейское языкознание развивалось и продолжает развиваться «под знаком корня». Этот важнейший разряд морфем был, как известно, выделен древнеиндийскими, классическими, семитскими грамматистами для описания своих языков и оказался чрезвычайно полезен и при сравнительном описании языков, при установлении родства слов из различных языков. Корни стали выделяться во многих случаях не на основе анализа одного языка, а при сравнении материала родственных языков. В словарях, стремившихся охватить весь вовлеченный в сравнение материал, организующим началом являлись те же корни. Немало этимологических сопоставлений держалось только на корнях. Поскольку корни содержат немного звуков, то комбинационные возможности корневого этимологизирования очень велики. Появились, с одной стороны, работы, показавшие, что вследствие антропофонической ограниченности звукового состава для любой пары языков некоторые близкие значения будут сходны и в плане выражения¹; это часто усугубляется ареальными факторами² и теми закономерностями, которые установлены в развитии детской речи³. Данный круг проблем привлекал внимание исследователей; в результате усилий нескольких поколений ученых была создана теория индоевропейского корня, — естественно, не во всем единая и во многом меняющаяся и изменяющаяся до сих пор.

Были определены фонетические закономерности, характеризующие запреты, накладываемые на первый и последний согласный корня⁴. Исключаются или очень редки сочетания: 1) $k...k$ ($k = k$), 2) $k...gh$, 3) $gh...k$, 4) $g...g$ ($g \neq g$), 5) $gh...g$, 6) $g...k$, 7) $x...x$, 8) $g...gh$, 9) $gh...gh$ ($gh \neq gh$); напротив, часты сочетания: 1) $k...n$, 2) $n...n$ ($n \neq n$), $x...n$. Первая группа корней составляет около 2% всех реконструированных индоевропейских корней, вторая — около 70%. Эти закономерности касаются способа артикуляции. В наиболее общем виде они были сформулированы Мейе как закон возрастания звучности. Некоторые из этих закономерностей почти не имеют исключений; так, исключения из запрета структур $k...gh$, $gh...k$ и $g...g$ основываются на неточном анализе: например, корень **bhat-* реконструирован, исходя из кельтского и славянского,

¹ J. Friedrich, Zufällige Ähnlichkeiten auf verschiedenen Sprach- und Kulturgebieten, IF, 60, 1950.

² В. М. Илич-Свитыч, Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты, в кн.: «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964.

³ R. Jakobson, M. Halle, Grundlagen der Sprache, Berlin, 1960, стр. 49—72.

⁴ G. Jucqois, La structure des racines en indo-européen envisagée d'un point de vue statistique, в кн.: «Linguistic Research in Belgium», Wetteren, 1966; е го же, La théorie de la racine en indo-européen, «La linguistique», VI, 2, 1970; VII, 1, 1971.

**bad-* — на кельтском и латинском материале, в то время как эти языки не всегда различают придыхательные и простые звонкие; привлекаемый латинский материал иначе толкуется в специальных словарях. Анализ этих трех ограничений привел к выводу о том, что звонкие непрдыхательные — позиционные варианты звонких придыхательных и глухих, приобретшие, видимо, на каком-то этапе самостоятельный фонетический статус. Тогда, особенно если учесть распространенность глухих в начале корня, $g...gh < k...gh$ и т. п.

В отношении места артикуляции ⁵ был открыт ряд $k^u tkr$ и правило, по которому в индоевропейских корнях тот из двух согласных, который в данном «ряду» помещается левой, должен непременно быть звонким придыхательным. Если принять, что слева направо в этом ряду уменьшается сила артикуляции, можно сформулировать такое правило, по которому более слабый по месту артикуляции согласный должен быть более сильным по способу артикуляции (т. е. звонким придыхательным) и видеть в этом балансе рефлекс древнейшего соответствия корней слогам.

Фонетическая и морфологическая структура корня связаны и выводятся путем сопоставления корней. Для собственно морфологического анализа сопоставляются разные формы одного и того же корня. В том, что один и тот же корень может представлять в виде нескольких м о д и ф и к а ц и й, и заключена возможность морфологического анализа корня. При этом оказывается, что модификации корня и, соответственно, сферу его анализа можно разделить на два отдела. Во-первых, те, которые имеют грамматическое значение, которые служат для формирования особых корневых парадигм. Эти модификации основаны на чередовании гласных в корне и носят название аблаута или апофонии. Во-вторых, те, которые устанавливаются путем сравнительно-исторического анализа и при помощи внутренней реконструкции: они обычно не имеют корреспонденций в плане содержания и чаще относятся к согласным, — это историческая, или, лучше, «доисторическая» сегментация корня.

Таким образом, основные проблемы морфологической теории корня, это: 1) проблема аблаута, 2) проблема сегментации; 3) проблема канонической формы, вытекающая из попыток исторической интерпретации первой и второй проблем.

Наиболее рано был определен тот вид сегментации индоевропейского корня, который связан с отделением последнего согласного. Примеры этого явления могут быть собраны на материале отдельного языка, например, древнеиндийского: *gras*-«пожирать»/ $\partial\bar{z}$ -«глотать», *śruṣ-*/ *śru-*«слышать», *śvit-* «сиять»/ *śuc-* «мерцать»/ *śubh-*«сиять», *mlup-*/ *mruc-*/ *mluc-* «садиться (о солнце)», *vip-/vij-/vyath-* «дрожать», *dru-*/ *dram-*/ *drā-* «бежать», *tras-* «бояться»/ *tarj-* «угрожать» и т. п. Приведенные примеры позволяют выделить в качестве последнего элемента корня *-s-*, *-t-*, *-c-*, *-bh-*, *-p-*, *-j-*, *-th-*, *-u-*, *-m-*, *-a-*; эти элементы, значение которых почти не поддается определению, называют детерминантами. Другие детерминанты могут быть выделены посредством сопоставления данных различных языков: *ǵeld-* (др.-греч. ἔλδομαι «желать») / *ǵelp-* (др.-греч. ἔλπομαι) / *ǵel-* (литов. *vilūios* «надеюсь»), *meldh-* (нем. *melden*) / *melǵ-* (русск. *молвить*) / *melg-* (лат. *promulgāre* «объявлять») / *melp-* (др.-греч. μέλω «петь») / *mel-* (др.-греч. μέλος, хет. *mal-lai* «ценить»), *trep-* (ст.-слав. *mpenem*) / *tres-* (др.-инд. *trāsati*) / *trēk-* (авест. *tarasaiti*) / *trem-* (лат. *tremō*) — здесь выделяются детерминанты *-d-*, *-p-*, *-dh-*, *-ǵ-*, *-g-*, *-s-*, *-k-*, *-m-*. В последние годы в исследовании индоевропейских

⁵ W. L. M a g n u s s o n, Complementary distributions among the root patterns of Proto-Indo-European, «Linguistics», 34, 1967.

детерминатов были выдвинуты новые принципы ⁶. Если раньше основное внимание уделялось накоплению материала и в некоторых случаях предпринимались попытки установления значения того или иного детерминанта комбинаторным путем, то сейчас произведено важное отождествление детерминантов с именными суффиксами древнейшего слоя и сделаны шаги в направлении изучения детерминантов в историческом плане: динамика их может быть выявлена из раздельного обобщения внутриязыковых и межъязыковых систем, — таким образом могут быть различены индоевропейские, и, например, индоиранские детерминанты.

Таким же образом была установлена отделимость — в некоторых случаях — первого элемента корня. Эти элементы, значение которых также не поддается установлению, получили название преформантов ⁷. В качестве преформантов наиболее распространены:

*k-: ст. слав. *kostry*, но др.-инд. *asthi-*, др.-греч. ἄσθειον; др.-инд. *mūrdhan-*, др.-греч. βλωφρός, но авест. *katərəda-*; лат. *capere*, др.-греч. κάπρος, др.-исл. *hafir*, но *aper*, др.-в.-нем. *ebur*, слав. *вепрь*; лат. *cōram*,

но *ōs*, *ōris*, авест. *as-*; др.-инд. *klāmati*, но *drāmati*, др.-греч. δρᾶμειν.

*d-: др.-греч. δολιχός, русск. *долгий*, но литов. *ilgas*; литов. *darbas*, но нем. *Arbeit*, слав. *rabota*; герм. *dagan*, но др.-инд. *ahan-*; лат. *dacruma-*; др.-инд. *āśru-*, литов. *ašara-*.

*u-: др.-инд. *vārsati / aršati*, *uṣabhā / ṛsabhā-*; др.-инд. *vañcati / añcati*; др.-инд. *vāsati* «проживать, ночевать» / *āsti* «быть».

Интересны чередования нескольких преформантов, например, *коза*, др.-англ. *hecen*, др.-греч. δῆξα (Hes.), др.-инд. *aṣa-*, литов. *ožys*. Другие согласные тоже засвидетельствованы в качестве детерминантов. Эти факты, а также реконструируемые для индоевропейского уровня многочленные начальные группы согласных (например, др.-греч. κτεῖς <*p^hkt-, ср. пехтѣо, лат. *pecten* и др.) заставляют предполагать для самого древнего уровня префиксацию, которая впоследствии была регенерирована ⁸. Известно, что Мейе выступил с тезисом о том, что индоевропейский не знал префиксации ⁹. Этот тезис вступает, однако, в противоречие с тем, что сам Мейе в латинском этимологическом словаре поддерживает ряд преформантных этимологий. Преформантное толкование Мейе предлагал и для авест. *tkaeša-*, относя этот тип к «просторечной» лексике ¹⁰.

Наряду с выделением детерминантов и преформантов известен ряд других модификаций. Во-первых, это — частичные изменения способа артикуляции согласной, например: а) в начале слова: др.-греч. θυρα, гот. *daur*, но др.-инд. *dvār*; др.-греч. καρδία, лат. *cor*, но др.-инд. *hṛd-*, авест. *zərəd-*; б) в конце корня: др.-инд. *vadhū*, но др.-англ. *weotuma-* «калым»; др.-инд. *mahi*, но др.-греч. μέγας, лат. *magnus* ¹¹. Эти чередования объяс-

⁶ Э. А. Макаев, Структура слова в индоевропейских и германских языках, М., 1970, особенно стр. 182—216.

⁷ P. Colinet, Essai sur la formation de quelques groupes de racines indo-européennes: I. Les preformantes proto-aryennes, Gent — Leipzig — Lowen, 1892. Библиография по преформантам — в указанной книге Э. А. Макаева (примеч. 6). М. М. Маковский рассматривает преформанты как показатель «лексико-семантической системности». См.: М. М. Маковский, О подвижных формативах в современном немецком языке, «Ин. яз. в шк.», 1967, 1.

⁸ В. Г. Адмони, Регенерация морфологических форм в германских языках, в кн.: «5-я научная сессия по вопросам германского языкознания», М., 1969, стр. 3—4.

⁹ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М. — Л., 1938, стр. 171.

¹⁰ A. Meillet, Av. *tkaeša-*, «Studia Indo-Iranica. Festschrift W. Geiger», Leipzig, 1931.

¹¹ O. Szemernyi, Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt, 1970, стр. 87—90.

няются обычно либо при помощи привлечения фонотактических факторов (ср. тадж. *равам / рафтан*)¹², либо при помощи контаминации различных корней, либо при помощи обращения к дифференциальным элементам (ср. русск. *мыт* < *mūti, *мыть* < *mūtī).

Во-вторых, это индоевропейская инфиксация. Давно известно, что внутри корня могут возникать некоторые элементы, прежде всего сонантические: ср. авест. *xšvaš*/лат. *sex*, др.-инд. *syūtas*, литов. *siūti*/др.-инд. *sūtram*, лат. *suō*, др.-инд. *hyas*/нем. *gestern*, лат. *heri* и, наконец, наиболее распространенный тип — лат. *linguō*/др.-греч. *λείπω*. В случае чередования типа др.-инд. *rup*/лат. *rumrō* «ломать» другие модификации (др.-инд. *ruj-*, лат. *ruō*) позволяли выделить минимальную форму корня *ru-* и ряд детерминантов, которых в форме *ru-m-p-* могло быть два. Но если одни корни имеют такие модификации, то у других их нет: корень **lik^u*- не может быть разложен на детерминанты; мало того, его форма не противоречит наиболее важным ограничениям¹³. Поэтому *-i-* целесообразно рассматривать как исходный гласный, а форму *link^u*- как инфигированную. В настоящее время установлено большое число случаев инфиксации: такими протоинфиксами могут быть и не-сонанты: др.-ирл. *folcain*/герм. *waskan «мыть» и др.¹⁴. Предприняты попытки ареального объяснения инфиксации — на основе балканско-балтийских совпадений¹⁵.

Основной вид индоевропейского аблаута может быть показан на модификациях корня со значением «сидеть»: а) *sed-*, лат. *sedeō*, др.-греч. *ἕδος*; б) *sod-*, лат. *solium* = др.-ирл. *suide*, гот. *sat*; в) *sd-*, *nīdus* и т. п. < *ni-sd-os, *sido* < *si-sd-ō; г) *sēd-*, лат. *sēdēs*, литов. *sėdėti*; д) *sōd-*, ст.-слав. *садити*, др.-англ. *sōt*. Различается качественный аблаут (*ē/ō*) и количественный аблаут (долгота/краткость/∅). Когда последний элемент корня — согласный, а сонант в середине его, то в нулевой ступени он принимает гласное состояние (*λείπω*, *ἔλιπον*). Существуют и другие типы аблаута; среди них распространен тип *ē/ō/a* (τιθήμι = др.-инд. *dadhāmi*/θωμός ~ др.-англ. *dōn*/*θετός*-*hitá-*); попытки сведения его к сонантической разновидности привели к созданию ларингальной гипотезы (*ē/ō/a* ~ *ei / oi / i*; *i* ~ *a*, значит, *ē* < *ea, *ō* * < *oa* и т. п.; тогда *ē / ō / a* < *ea / oa / a*)¹⁶. Дискуссии вокруг этой гипотезы продолжают по сей день. Существуют, однако, и другие разновидности качественного аблаута: одни из них менее распространены (*a / o / ā / ō*, например, *aciēs*, *ocris* «гора», *ācer*; *ἄγω*, *ἄγμος*, *ambāges*, *ἄγωγη*), другие являются спорными, например *e / i*, могущий быть реконструированным на основе местоименных форм *me/min*, *de/dim*¹⁷ и т. п. и на основе *-i-* в редупликации; или *i / u*, предложенный Отрембским для объяснения суффиксов *-ti-* и *-tu-*¹⁸. Классификации корней с точки зрения всесторонней их аблаутной характеристики не существует.

¹² H. W. Bailey, Iranian verbs in *-m* and *-p*, в кн.: «Oriental studies in honour of C. E. Pavry», London, 1933; Ch. S. Tang, L'alternance des consonnes sourdes et sonores en indo-européen, в кн.: «To honour Roman Jakobson», 3, The Hague — Paris, 1969.

¹³ R. Schmitt-Brandt, Die Entwicklung des Indogermanischen Vocalsystems, Heidelberg, 1967, стр. 16—19.

¹⁴ H. Karstien, Infixe im Indogermanischen, Heidelberg, 1971. (Работа чрезвычайно интересная, во многом спорная, заслуживающая особого рассмотрения).

¹⁵ R. S. P. Weekes, The development of the Proto-Indo-European laryngeals in Greek, The Hague, 1969.

¹⁶ F. O. Lindemann, Einführung in die Laryngaltheorie, Berlin, 1970 (при участии К. Г. Боргстрема). Ср. рец. Э. Говдраугена — NTS, XXV.

¹⁷ E. Benveniste, L'anaphorique prussien *din* et le système des demonstratifs indo-européens, «Studi baltici», 3, 1933.

¹⁸ J. Otrębski, La formation des noms physiographiques en lithuanien, «Lingua posnaniensis», I, 1949.

Наконец, существует так называемый позиционный аблаут (Schwebeab-laut)¹⁹, он заключается в том, что в корнях с тремя согласными гласный может находиться либо между первым и вторым согласными, либо между вторым и третьим:

$\hat{g}heim/\hat{g}h\hat{i}em-$: др.-греч. $\chi\acute{\epsilon}\iota\mu\alpha/\chi\iota\acute{\omega}\nu$
 $deru-/dreu-$: др.-инд. $d\bar{a}ru/gen. dr\acute{o}s$;
 $perk-/prek-$: авест. $frasa-$ /литов. $perš\ddot{y}$.

Детальное исследование этой проблемы позволило выяснить, что для индоевропейского праязыкового состояния позиционный аблаут может быть установлен лишь для 13 корней: из них в индоиранском — 9, наибольшее количество; меньше всего в италийском и кельтском (по 4; среди них общих итало-кельтских нет!). Среди этих 13 корней тех, которые не требуют ларингалистического толкования, — 6:

$de\hat{i}u-/d\hat{i}eu-$: др.-инд. $dy\acute{a}us$, $Z\acute{\epsilon}\iota\varsigma$, но $dei\acute{a}$, литов. $di\acute{e}vas$;
 $deru-/dreu$ }
 $\hat{g}he\hat{i}m-/g\hat{h}\hat{i}em$ } примеры приведены выше;
 $perk-/prek$ }
 $t\acute{e}rs-/tres-$: др.-инд. $tr\acute{a}sat\bar{i}$, др.-греч. $\tau\rho\acute{\epsilon}\omega$, но лат. $terre\acute{o}$, др.-греч. $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\rho\sigma\epsilon\nu$
 $uer\hat{g}-/yreg-$: др.-инд. $vra\hat{j}a$, др.-ирл. $fraig$ «стена», но авест. $var\acute{z}$, др.-греч. $\acute{\epsilon}\rho\gamma\omega$.

Остальные корни, относительно которых предполагался архаический позиционный аблаут, развили его в процессе различных грамматических процессов, аналогии, метатез и т. п. Чрезвычайно важно, что для каждого отдельного исторического среза устанавливается определенное число корней с позиционным аблаутом.

До того, как эта особенность была выявлена, считалось, что Schwebeab-laut — особое свойство всех (более 2000!) корней, что каждый корень может иметь «форму I: CVCC» и «форму II: CCVC»²⁰. На основании этого свойства было разработано множество этимологий; с другой стороны, индоевропейцы пытались выяснить источник позиционного аблаута, установить какое-то исходное состояние и условия его перехода в засвидетельствованное.

Предполагались следующие исходные типы корня:

1. CVCC: эта форма рассматривалась как исходная еще Остгофом²¹, полагавшим, что корни др.-инд. $vyadh-$, $vyach-$ первичны, а их формы $vedh-$, $ves-$ вторичны; что др.-инд. $od-man-$ является вторичным образованием от корня $ud-$, являвшегося нулевой ступенью к нормальному $*uod-$. Причины образования такой вторичной полной ступени — «guna restoration»²² или иные системные факторы, действующие в эпоху после распада общеиндоевропейского состояния.

2. CVCC: в качестве единственной, полной ступени, существовавшей в праязыковом состоянии, эту форму принимал Шпехт²³. Как вторичная рассматривается им форма с инфигрированным гласным элементом. Так, закономерны, по его мнению, формы $su-$ и $seu-$ (литов. $sul\grave{a} \sim$ др. -инд. $s\bar{u}r\bar{a}-$, лат. $s\bar{u}cus$); форма же $su-e$ (латыш. $sveķi$ «смола») из $*su-e-k-i$.

¹⁹ R. Antilla, Proto-Indo-European Schwebeablaut, Berkeley — Los Angeles, 1969.

²⁰ Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование, М., 1955.

²¹ Н. Остгофф, Morphologische Untersuchungen, IV, Leipzig, 1881.

²² N. E. Collinge, Laryngeals in Indo-European ablaut and problems of the zero grade, «Archivum linguisticum», 5, 1953.

²³ F. Scht, Der Ursprung der Indogermanischen Deklination, Göttingen, 1947

3. *CVCVC*: многие крупные исследователи считали эту форму первоначальной²⁴. Это — так называемая база Гирта, некое фонологическое состояние, предшествовавшее реально засвидетельствованным, которые могли содержать лишь один гласный. Некоторые ученые пользовались этой формой, считая ее всего лишь удобным инструментом исследования, например, Бругман. Сам Гирт, напротив, верил в ее преесторическую реальность.

4. *CVCVCV*: такая форма корня была принята прежде всего сторонниками индо-семитской гипотезы — Меллером, Кюни²⁵. Среди собственно индоевропейцев она была наиболее последовательно развернута Боргстромом²⁶, постулировавшим сперва «безгласную» открытосложность *Cä Cä Cä...*, но затем пришедшего к допущению различных исходных гласных.

5. *CVCC / CCVC*: признание первоначальности альтернатив имело много сторонников, среди них были Кречмер и Соссюр, Мейе и Кэйпер²⁷. Но в настоящее время эта теория связывается прежде всего с именем Бенвениста, включившего ее в созданную им теорию корня. Некоторое время неправомерный принцип неполной индукции заставлял исследователей считать это чередование универсальным и наиболее архаичным; как показано выше, сейчас установлено, что лишь ограниченное количество корней имели его в праязыковом состоянии.

Ряд ученых не искали первоначальной формы корня, а стремились выявить условия, прежде всего конкретные условия генезиса той или иной формы или серии форм.

Одним из важных результатов этой линии исследований было установление роли м е т а т е з ы в изменении формы корня, которая возникала во избежание образования сложных, содержащих более трех согласных интервокальных групп²⁸. Например, литов. *žėntas* «зять» / латыш. *znuots*, др.-греч. ἔτρῶσν / ἄτρῆστος, др.-инд. *kālpate / klapsyate, sārpati / srapsyati* и т. п.

Другим важным фонетическим явлением, убедительно реконструированным для ряда корней, явилась с и н к о п а²⁹. Так, Семереньи показал, что др.-греч. ὀργή должно восходить к имени *ὀρογᾶ от глагола ὀρέγω и что его нельзя сопоставлять с ирл. *ferg*, *uerg- и т. п.; это значит, что исчезает случай чередования ὀρέγω (= лат. *regō*)/ὀργή.

Именно тщательный анализ каждой отдельной формы может привести к установлению общих закономерностей, свойственных индоевропейским корням.

Напротив, на ряде гипотез была основана теория корня Бенвениста³⁰. Она покоилась на следующих трех основаниях: а) на отрицании префор-

²⁴ Н. H i r t, *Der Indogermanische Ablaut*, Strassburg, 1900; К. B r u g m a n n — В. D e l b r ü k, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, I, Strassburg, 1897.

²⁵ Н. M ö l l e r, *Germanisch *āēō* in den Endungen des Nomens und die Entstehung des o (a₂)*, PBB, 7, 1880.

²⁶ К. B o r g s t r ö m, *Thoughts about Indo-European vowel gradation*, NTS, 15, 1949; е г о ж е, *Internal reconstruction of Pre-Indo-European word forms*, «Word», 1954.

²⁷ Р. К r e t s c h m e r, *Indogermanische Accent- und Lautstudien*, KZ, 31, 1892; А. M e i l l e t, *Deux notes sur des formes verbales indo-européennes*, MSLP, 26, 1910; F. В. J. K u i p e r, *Zur Geschichte der indoiranischen s-Präsentia*, AO, 12, 1934. Наиболее последовательно эта точка зрения развита, как известно, в упоминавшейся выше книге Э. Бенвениста (примеч. 20).

²⁸ Т. H. M a u r e r, *Unity of the Indo-European ablaut system: The dissyllabic roots*, «Language», 23, 1947.

²⁹ О. S z e m e r é n y i, *Syncopé in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent*, Naples, 1964.

³⁰ Э. Б е н в е н и с т, *Индоевропейское именное словообразование*, стр. 178 и сл.

мантов и признании детерминантов; б) на принятии для всех корней позиционного аблаута; в) на разработке своего варианта ларингальной гипотезы ³¹.

В соответствии с теорией корня Бенвениста предполагалось, что каждый корень содержит три согласных, из которых первые два образуют собственно корень, а следующий — своего рода корневой суффикс, модифицировавший некогда значение корня, но впоследствии утративший значение. Если в составе корня были еще согласные; то они считались детерминантами, имевшими отыменное происхождение.

Корень мог иметь две формы, два состояния: либо собственно корень содержал гласную, а суффикс ее не содержал (CVC-C); либо собственно корень не содержал гласной, тогда суффикс ее содержал (CC-VC).

Если для корня были засвидетельствованы чередования, менявшие по существу второй согласный (например: *ḫḫar*, хет. *wātar*, иранск. *vātā-*, русск. *Волга*, хет. *uḫḫari* «берег реки» и т. п.), то «суффиксами» оказывались *-d-*, *-g-*, *-t-*, *-r-*, *-l-*, *-p-*, а собственно корень оказывался состоящим из одного согласного; чтобы спасти принцип двусогласности собственно корня, предполагалось, что первым согласным был исчезнувший ларингал. Это давало возможность объяснять при помощи той же схемы чередования типа *αῖξω* «умножать»/*vavakša* или лат. *avis* «птица»/авест. *vayu-* «воздух».

Гипотеза об универсальности позиционного аблаута не подтвердилась, в самих корнях с большей уверенностью стали выделяться преформанты и даже архаические инфиксальные элементы; было доказано, что в ряде корней *-i-* и *-u-* ведут себя точно так, как *-e-* и *-o-*; другие корни, напротив, оказались неразложимы ³². Тем самым потеряли значение основания теории корня Бенвениста. Сама теория Бенвениста, заменившая, в сущности, теорию баз Гирта, сыграла в науке весьма положительную роль, явившись единым и центральным началом, вокруг которого группировались многочисленные этимологические разыскания. В последние годы знания об индоевропейских корнях углубились и умножились, особенно после завершения словаря Покорного ³³. Настало время формирования новой теории индоевропейского корня. Если теория Гирта характеризовалась высоким уровнем абстракции, теория Бенвениста — логическим блеском, то наше время — время математической точности, время создания такой теории, которая, сохраняя общий взгляд, не потеряет из вида и частного. Такая теория корня начала создаваться на заре индоевропеистики: еще Шлейхер устанавливал типологию индоевропейских корней ³⁴. В своей последней книге к этой типологии обратился Семереньи, устанавливающий 11 типов корней ³⁵:

³¹ Э. А. Макаев, Ларингальная теория и вопросы сравнительной грамматики индоевропейских языков, «Труды ИЯ АН Грузинской ССР», Серия востоковедн., 2, Тбилиси, 1957; его же, Структура слова ..., гл. II.

³² R. Schmitt-Brandt, Die Entwicklung ...

³³ Кроме самого словаря, важны серии рецензий на него, опубликованные крупнейшими индоевропеистами: Кречмером (WZKM, 52), Вандриесом («Vox Romanica», XII, 1951, «Études celtiques», V—VII), Карпуа («Leuvense Bijdragen byblad», XXXVIII—XLVIII), Отрембским («Lingua posnaniensis», II—VIII), Кэйпером («Museum», LVI—LXIV), Майпрофером («Bibliotheca Orientalis», VIII, IX, XIII, XVIII), Бенвенистом (BSLP, XLVII—LIV), Томасом («Latomus», X—XIX), Товаром («Annales de filologia clasica», V, Buenos Aires; «Emerita», XVII—XXVIII), Пизани («Paideia», IV—XV), Леруа (RPhB, XXIX—XXXVI, Полеме (RPhB, XXXIX). Вотмоу («Language», XXV—XXXVI).

³⁴ A. Schleicher, Kompendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Weimar, 1876, ср. 332.

³⁵ O. Szemerényi, Einführung..., стр. 91.

<i>VC</i>	* <i>ed-</i>	«есть»	<i>CCV̄</i>	* <i>drā-</i>	«бежать»
<i>CVC</i>	* <i>med-</i>	«измерять»	<i>CCCVC</i>	* <i>strep-</i>	«шуметь»
<i>CCVC</i>	* <i>trem-</i>	«дрожать»	<i>CCCVCC</i>	* <i>spreig-</i>	«изобилловать»
<i>CVCC</i>	* <i>serp-</i>	«ползти»	<i>CVCV̄</i>	* <i>pelē-</i>	«наполнять»
<i>CCVCC</i>	* <i>dhreug^u-h-</i>	«обманывать»	<i>CVCVC</i>	* <i>temāg-</i>	«резать»
<i>CV̄</i>	* <i>dō</i>	«даю»			

Типы *CV̄* и даже *V* тоже существуют, но среди местоименных корней. Дается и общая формула корня: (S) (T) (R)e (R) (T/S).

Выше указывалось, что корень мог выступать в виде модификаций с более тяжелым началом: **pkten-*: *TTTeR*, авест. *fədrōi* < *ptrāi, слав. *struio* < **ptruio-*: *TTR-* и т. п.³⁶ С другой стороны, приводились фонетические соображения в пользу слогового характера корня. Дополнительным доводом в пользу этого положения может служить тенденция к сохранению просодического количества в корне. Гипотезу о двухморном балансе выдвинул в свое время Иоганссон³⁷, предполагавший, что корень может принимать различные огласовки, но с тем условием, чтобы он сохранял две моры, например, **gēn-*¹ (др.-инд. *jānāmi*, др.-греч. γέγονα), **zene-*² др.-греч. γένος и т. п.), **gñē-*^{1,2} (*nātiō* и *nōsco*, *ignōrō* и т. п.). Соединение этого принципа с применением метатезы — у Шмитт-Брандта, предполагающего, что слова типа *kuōn «собака» содержат детерминант **n-*, присоединившийся к корню **keu-*; возникшая форма **keun-* подверглась метатезе, чтобы «разомкнуть» группу **un-*: **kuēn-*; в этом случае двухморность сменяется одноморностью, чтобы сохранить ритмический рисунок, происходит восстановление двухморности: **kuēn-*/*kuōn-* (то же при аналаге *rkō).

Компенсационный принцип применялся в масштабах слова и для объяснения такого состояния, как 'ανήρ ~ др.-инд. *nā*, интерпретировавшегося ранее лишь при помощи ларингальной гипотезы. Предлагается рассматривать три этапа в предыстории этого слова³⁸:

Им. ед.	Род. ед.	Дат. ед.	Вин. ед.
I <i>nérs</i>	<i>nrós</i>	<i>nrí</i>	<i>nérm</i>
II <i>né:r</i>	<i>arós</i>	<i>arí</i>	<i>néra</i>
III <i>anè:r</i>	<i>andrós</i>	<i>andrí</i>	<i>anéra</i>

В таком развитии участвуют наиболее естественные тенденции унификации парадигмы, синтаксического контраста, избыточности в парадигматическом плане.

Рассмотрение современного состояния теории индоевропейского корня позволяет сделать два вывода.

Во-первых, выясняется, что теории, стремившиеся выявить единую структуру корня или наметить некие единообразные процессы, характерные именно для индоевропейского корня, не подтвердились. Корни оказались различны, и лингвистические процессы, изменяющие их, столь же разнообразны, сколь и обычны. Этот вывод обусловлен прежде всего тем, что исследователи отказались от взгляда на праязык как на некую абстрактную схему, а стали видеть в нем «праязыковое состояние», сходное в своей многомерности с живыми языками с их диатопическим, диахроническим и «социальным» измерениями³⁹. Праязыковому состоянию были свойственны и динамика, и диалектная расчлененность; эти положения сами по себе предполагают неоднородность лингвистических единиц, в том числе, разумеется, и корней. Потому-то можно стремиться лишь к установлению

³⁶ J. Gunnarsson, On the Indo-European «dental spirants», NTS, 24, 1971.

³⁷ K. F. Johansson, Miscellen, PBB, 13, 1888.

³⁸ W. F. Wyatt, Jr., Indo-European /a/, Philadelphia, 1970.

³⁹ И. М. Тронский, Общеиндоевропейское языковое состояние, Л., 1967.

статистической характеристики распространенности различных типов корней. Такие данные — даже в самом простом процентном виде — было бы интересно сопоставить с соответствующими данными других языковых типов⁴⁰ и проследить тенденции их изменения внутри индоевропейской семьи. Единственное приемлемое принципиальное структурное ограничение — некоторая корреляция корня и слога — может иметь исторические основания⁴¹.

Во-вторых, исторический подход требует дифференциации самого понятия индоевропейского корня. Было бы целесообразно выделить три его разновидности:

1. Собственно корень, не определенный относительно слога звуковой отрезок, имеющий самостоятельное значение; те формы, которые реконструируются и используются в этимологических исследованиях, например **d̥l̥gh-*.

2. Аблаутную базу, реконструируемую для объяснения аблаута⁴². В качестве таких аблаутных баз могут быть избраны базы Хирта типа *CVCVC*, например **deləgh-*.

3. Пракорни, относимые к наиболее дальнему уровню реконструкции, — то, что остается после отделения преформантов, детерминантов и т. п. Имея в виду литов. *ilgas*, русск. *длинный*, корень **d̥l̥gh-* можно разложить на элементы **d̥l̥-gh-*; пракорнем явится **-l̥-*.

Ясно, что генетическое сопоставление с другими языковыми семьями может производиться лишь посредством пракорней; столь же ясно, насколько бессодержательно сравнение элементов, содержащих так мало звуков, в данном случае — один.

Следовательно, одна из задач индоевропейского языкознания — описание корней с учетом индивидуальных свойств каждого из них⁴³.

⁴⁰ Интересно, например, что реконструкция ведет к восстановлению определенного числа корней (около 2000), ср.: M. Guthrie, *Comparative Bantu, I—IV*, London, 1967; M. Räsänen, *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen*, Helsinki, 1969.

⁴¹ При обсуждении данного обзора В. Касевич высказал важное соображение: ряд признаков фонетической реконструкции корня наводят на мысль о том, что индоевропейскому фонемному типу языка предшествовал иной, силлабофонемный, сходный с распространенным в Восточной Азии. Важно заметить, однако, что южноазиатский силлабофонемный тип не является чисто силлабным.

⁴² M. Leumann, *Lateinische Grammatik, I*, München, 1926 (M. Лойман различает *Ablautsbasen* и *Bedeutungswurzeln*).

⁴³ Пользуемся случаем сообщить, что с 1973 г в США начинается издание нового журнала по проблемам индоевропейистики — «*Journal of Indo-European studies*».